

Православный Американский Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

The „Messenger” will be bi-lingual— Russian and English.— It will be issued on the 13-th and - 27-th of each month.

Terms of Subscription:

One year.....На годъ.....\$3.00

Single numbers... Отдѣльные NN... 15с.

Выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Entered at the New York Post Office as Second Class Mail Matter.

— N 8 - й. — NEW YORK, — 323 SECOND AVENUE — 27 December. —

СЛАВА ВЪ ВЫШНИХЪ БОГУ

ВЪ ЧЕЛОВѢЦѢХЪ

БЛАГОВОЛЕНІЕ.

И НА ЗЕМЛИ МИРЪ

ПОУЧЕНІЕ
на день Рождества Христова.

From the Homilies of the Right Reverend Nicholas, Bishop of Alaska and Aleutian Islands.

A HOMILY ON THE DAY OF CHRIST'S NATIVITY.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣчѣхъ благоволеніе“.

Glory to God in the highest, and on earth peace, good will towards men.

Какою неподражаемо высокою и такою дивно радостною пѣнію привѣтствовали небожители рожденіе Того, Кто былъ чаяніемъ языковъ и Кто долженъ былъ послѣ крестнаго подвига возглавить собою всяческая, яже на небесѣхъ и яже на земли (Еф. I, 10).

Such was then imitably sublime and wondrously joyful song with which the dwellers in heaven greeted the birth of Him Who was the hope of the nations and Who, after suffering on the cross, was to „gather together in one all things, both which are in heaven and which are on earth.“)Ephes. 1, 10).

Поистинѣ благая была это вѣсть! Въ ней содержалось все, что можно было сказать человѣчеству при рожденіи Спасителя міра—въ радость и утѣшеніе, въ ободреніе и успокоеніе.

Truly a blessed message! It contained all that could be said to the world at the birth of its Saviour—joy and consolation, encouragement and comfort.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!—Болѣе пяти съ половиною тысячъ лѣтъ ожидало человѣчество этой благой вѣсти, стня и падая все глубже и глубже подъ игомъ грѣха, проклятія и смерти; и только теперь, когда исполнилась, по Апостолу, полнота времени (Гал. IV, 4), когда, по предначертанному въ предвѣчномъ совѣтѣ Трїедиаго Бога домостроительству о нашемъ спасеніи, должно было совершить Искупленіе, Слово стало плотію: „и Слово плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Іоан. I, 14)!“

Glory to God in the highest, and on earth peace, good will towards men! For over fifty five hundreds of years mankind had been waiting for the good news, groaning and sinking lower and deeper under the load of sin, the divine curse, and death. And only now, when in the words of the Apostle, (Galat. 4, 4), the fulness of time was come, in accordance with the dispensation of our salvation traced out in the pre-eternal council of the Tri-une God, the Redemption was to be accomplished, the Word became flesh: „And the Word was made flesh, and dwelt among us, and we beheld His glory, the glory as of the only begotten of the Father, full of grace and truth.“ (John, 1, 14).

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“! Болѣе пяти съ половиною тысячъ лѣтъ—омра-

Glory to God in the highest, and on earth peace, good will towards men! For more than fifty five hundreds of years mankind had been seeking for truth and longing for happiness, yet in spite of all their efforts, had never found either. On the contrary, while seeking

ченное грѣхомъ челоѣчество искало истины и стремилось къ счастію, но не смотря на все свои успія — никакъ не достигало; напротивъ, ища истины, все болѣе и болѣе запутывалось въ противорѣчійхъ, впадало въ заблужденія и принимало тѣнь за предметъ, ложь — за истину, — пока, наконецъ, не пришло къ полнѣйшему сомнѣнію во всемъ, и устами Пилата въ словахъ: „что есть истина“?! — невысказало всей горечи, всего разочарованія своего узнать истину! Ища счастія, — оно вмѣсто этого дошло до совершеннаго отчаянія, ибо искало его не тамъ, гдѣ оно было, полагая его, напримѣръ, то въ излишествахъ — чувственныхъ, то въ совершенномъ отрицаніи оныхъ, — въ такъ называемомъ безстрастіи, — безчувственности. Несчастіе, смерть стали, наконецъ, признаваться лучшимъ исходомъ изъ этого временнаго бытія, исполненнаго страданій и неудовлетворенности духовной, — а самоубійство — лучшимъ средствомъ къ достиженію этого. Отчаяніемъ, глубокимъ отчаяніемъ звучать слова одного изъ величайшихъ мыслителей древняго міра (философа) — Платона, когда, обозрѣвая мрачную дѣйствительность своего времени и сознавая безсиліе людей — выйти изъ этого удручающаго положенія, — онъ восклицаетъ: „Дать челоѣку добродѣтель можетъ только одинъ Богъ“!*)

Не многимъ лучше было положеніе и народа Божія, которому даны были законъ и пророки, который былъ по преимуществу носителемъ обѣтованія, даннаго прародителямъ въ раю, — что сѣмя жены сотретъ главу змія... И въ семь народѣ, подъ вліяніемъ грѣха, омрачился образъ Божій, — потускнѣла въ сознаніи идея о Мессіи, какъ царѣ небесномъ: люди, сами оземлянившись, оземлянили вмѣстѣ съ этимъ и эту небесную

*) См. „Премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и челоѣка“. — изд. 4, стр. 309.

for truth, they became more and more entangled in contradictions, fell into errors and took the shadow for the substance, falsehood for truth, until at last they arrived at absolute doubt of everything and, through Pilate's lips, in the question „What is truth?“ poured forth all the bitterness of their disappointment at not having learned to know the truth. While seeking for happiness, they arrived instead at utter despair, because they sought happiness not where it was to be found, looking for it, now in sensuous excesses, now in utter denial of the senses, passionless obtuseness, so-called stovicism. Unhappiness, death itself, at last came to be looked on as the best outlet out of this fleeting existence, full of suffering and spiritual dissatisfaction, and suicide as the best means to that end. There is a ring of despair, profound despair, in the words of one of antiquity's greatest thinkers, the philosopher Plato, when, surveying the dark realities of his time, and becoming convinced of men's powerlessness to find a way out of this oppressive condition, he exclaims:— „God alone can give virtue to man!“

Little better was the condition of God's own people, to which were given the law and the prophets, which was pre-eminently the bearer of the promise given to our first parents in Eden — that the woman's seed should bruise the the head of the serpent... And among this people, because of sin, the image of God became obscured, the conception of the Messiah as the King of Heaven paled in their consciousness: men, having themselves grown of the earth earthy, dragged down to earth even this heavenly conception. Some — and they were the majority — saw in the Messiah a great king, who was to be the restorer of Israel's political might, a conqueror of the world. Others, influenced by Hellenic wisdom, (the Sadduceans), came to reject entirely much that was sacred and indisputable in the law and the prophets, — as for instance

мысль.. Одни — и большинство, стали видѣть въ Мессіи великаго царя-возстановителя политическаго могущества Израиля, всесвѣтнаго завоевателя, а другіе, подъ вліяніемъ эллинской мудрости (саддукеи), и совѣмъ стали отвергать многое, что было священо и непреложно въ законѣ и пророкахъ, — какъ на примѣръ — загробную жизнь, воскресеніе мертвыхъ и др. Такимъ образомъ, и тамъ и здѣсь, — и въ язычествѣ и въ іудействѣ, — предъ рожденіемъ Христа Спасителя чувствовалась потребность въ обновленіи падшей природы человѣческой: человѣчество безусловно сознало, что оно само себя, своими собственными силами, спасти не можетъ, — что ему потребна помощь свыше... И вотъ, въ отвѣтъ на отчаянный этотъ вопль человѣчества, слышится дивная пѣснь ангеловъ: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ“. Этотъ миръ Иисусъ Христосъ принесъ съ Собою крестомъ Своимъ: Онъ примирилъ всяческая, умиротворивъ Кровію креста Своего — аще земная, аще ли небесная (Кол. I, 22—23); на Его крестѣ Божество примирилось съ человѣчествомъ; на Его крестѣ милость и истина срътостѣся, правда и миръ облобызастася; Его искупительными заслугами, смертію и воскресеніемъ, сняты съ человѣчества грѣхъ и проклятіе, упразднена смерть; изъ чадъ гнѣва люди сдѣлались чадами Божіими, наслѣдниками вѣчныхъ благъ.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ“. Этотъ миръ Иисусъ Христосъ принесъ на землю въ Евангелии.. Никогда — ни прежде ни послѣ — ничего подобнаго не слышалъ міръ: ему, погруженному въ эгоизмъ, себялюбіе, въ чувственность и любомщеніе, новымъ бы-

enemies, but loving them. The Gospel for the first time revealed to the world the meaning of human life; there only the human spirit, wear unto death with seeking for truth, found the fulness of truth, the human promise of a life beyond the grave, the resurrection of the dead, etc. Thus it came to pass that both here and there, — in heathendom and in Judaism, — just before the birth of Christ the Saviour, was felt the want of a generation of the fallen human nature: mankind absolutely realized that of itself, of its own strength, it could not be saved, that it needed help from above. And lo! in answer to this desperate cry of men's hearts, is heard the wondrous song of the Angels: "*Glory to God in the highest, and on earth peace, good will towards men!*"

„Glory to God in the highest, and on earth peace.“ This peace Christ Jesus brought by His cross; having made peace through the blood on His cross, he reconciled all things unto Himself, whether they be things in earth, or things in heaven” — (Coloss. 1, 20), upon His cross the Deity was reconciled to humanity; upon His cross mercy and truth met, truth and peace embraced: by His redeeming merits, His death and resurrection, the curse and sin are taken from mankind, death is conquered; men, from children of wrath, have become children of God, inheritors of eternal blessings. „Glory to God in the highest, and on earth peace!“ This peace Christ Jesus brought to earth in the Evangel. Never, either before or after, did the world hear such a message; steeped as it was in egotism, selfishness, sensuousness and revengefulness, how new to it was the teaching of love and universal forgiveness, of there being no more Jews, or Hellenes, or Scythians or barbarians, no male or female sex, no bondsmen or freemen — of all men and women being one in Christ Jesus — of the duty of loving one another even to the sacrificing of one's own life, of not merely forgiving one's

ло ученіе о любви и всепрощеніи, — о томъ, что нѣтъ болѣе ни Іудея, ни Элина, ни скиѳа, ни варвара, ни мужскаго пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго, — но что все едино во Христѣ Іисусѣ, — что надобно любить другъ друга до самоотверженія, до пожертвованія собственной жизнію, что надобно не только прощать врагамъ своимъ, но даже и любить ихъ. Въ Евангеліи впервые открытъ міру настоящій смыслъ жизни человѣческой; только въ его ученіи измученная въ исканіи истины мысль человѣка нашла полноту истины, а сердце — миръ и радость о Дусѣ Святѣ.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе“! Іисусъ Христосъ не только примирилъ Кровію Своею Божество съ человѣчествомъ, но еще принесъ ему и благоволеніе Божіе — чрезъ обильное изліаніе даровъ Святаго Духа, потребныхъ человѣчеству, яже къ животу и благочестію (2 Петр. I, 3). Церковь, основанная Имъ на землѣ, есть сокровищница этихъ благодатныхъ даровъ, освящающая вѣрующихъ и укрѣпляющая ихъ. Здѣсь, чрезъ таинства и другія священнодѣйствія, — наипаче же чрезъ Св. Причащеніе, — человѣкъ получаетъ постоянно духовное возрожденіе и укрѣпляетъ себя въ снлахъ душевныхъ и тѣлесныхъ...

Все это, безъ сомнѣнія, прозрѣвали св. небожители, когда, воспѣвая славу Божию, взывали: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“

Явивъ такую чрезмѣрную милость людемъ въ Сынѣ Своемъ, насъ ради спешимъ съ небесъ и воплотившемся отъ Пресвятой Дѣвы Маріи, — Господь и затѣмъ не престааетъ являть всемъ и каждому Свои милости, — дая и жизнь, и дыханіе и вся, дождя на праведныя и неправедныя,

heart found peace and gladness in the Holy Ghost.

“*Glory to God in the highest, and on earth peace and good will towards men!*” Jesus Christ not only, by His blood, reconciled the Deity with humanity, but brought to men the good will of God — through the abundant pouring forth of the gifts of the Holy Ghost needful to them, „the things that pertain unto life and godliness” (II Peter, 1, 3). The Church founded by Him upon earth is the treasury of these gracious gifts, she consecrates the faithful and strengthens them. Here on earth man, through the Sacraments and other sacred acts — especially through the Holy Eucharist, — continually receives spiritual renovation and is strengthened in body and soul.

All this the denizens of heaven undoubtedly foresaw when, singing the praise of God, they proclaimed „*Glory to God in the highest, and on earth peace and good will towards men.*”

Having vouchsafed such excessive bounty to men in the person of His Son, who, for our sakes, descended from Heaven, was made flesh and was born of the Most Holy Virgin Mary, the Lord does not even yet cease to show His mercy to all, giving life and breath and all things, pouring His rain on the righteous and unrighteous letting His light shine on the good and the wicked. And every one of us, if only he will apply his mind with faith to the years he has lived, will doubtlessly remember having experienced many divine mercies. So will whole nations. Thus, in connection with the very event which the Church is celebrating at the present time, the great mercy of God to the Russian Empire has been made especially visible and tangible. In the beginning of the present century the arrogant Corsican, Napoleon, after planting his own rule on the ruins of France after the Revolution, planned to become the master of the entire world, saying he would leave Heaven

сія свѣтомъ на злыхъ и благихъ! И каждый изъ насъ, если только приникнетъ вѣрующею мыслию къ прошедшимъ лѣтамъ жизни своей, безъ сомнѣнія, усмотритъ и надъ собою не мало милостей Божіихъ. Видятъ это и цѣлые народы... Такъ и въ нынѣ воспоминаемомъ св. Церковью событіи, особенно видима и осязательна презельная милость Божія къ державѣ Россійской... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, гордый выходець Корсики, Наполеонъ, водрузившій свое господство на развалинахъ Франціи послѣ революціи, вздумалъ сдѣлаться повелителемъ всего міра, — оставивъ Богу, какъ онъ выражался, только небо, а себѣ взявъ землю.. Сокрушивъ царства и народы Западной Европы, ниспровергнувъ троны государей и наложивъ цѣпи рабства на всѣхъ, — онъ вздумалъ такимъ же образомъ сокрушить державу и русскихъ царей. Съ громадными полчищами вторгся онъ безъ всякаго повода въ предѣлы Россіи.. Но Господь услышалъ мольбы народа своего и простеръ къ нему руку помощи: Онъ сокрушилъ могущество этого гордаго завоевателя. Изъ обгорѣлой Москвы — со стыдомъ онъ долженъ былъ бѣжать чрезъ всю Европу въ свою столицу, — затѣмъ только, чтобы потерять тамъ и корону, и скипетръ, и все! А сильный вѣрою народъ русскій не только спасъ свою державу, но даже разбилъ цѣпи рабства, наложенныя симъ завоевателемъ на всю западную Европу, — устроивъ среди мятущихся народовъ миръ и порядокъ. — Все это совершилось не задолго до праздника Рождества Христова, — и вотъ народъ русскій, вмѣстѣ съ прославленіемъ Родившагося Христа, воспѣвалъ еще славу Богу и за спасеніе своей Державы.

„Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!“ Но, спросить, быть можетъ, нѣкоторые: почему же

to God and keep earth for himself. After crushing the countries and nations of Western Europe, and overthrowing the throne of the rulers, and binding all with the chains of slavery, he started out to treat the empire of the Russian tsars in like manner. Without any provocation he entered the confines of Russia with his huge hosts. But the Lord heard the prayers of His people and stretched out to them a helpful hand: He destroyed the power of the haughty conqueror. From burning Moscow he was driven ignominiously to fly across the whole of Europe back to his own capital— only to lose there crown, sceptre, everything. While the Russian people, strong in faith, not only saved their Empire, but broke the fetters with which the Conqueror had shackled all Western Europe, and restored peace and order amidst the frenzied nations. All this happened shortly before the Christmas festival, so that the Russian people could sing „Glory to God” not only for the Birth of Christ, but for the saving of their country.

„Glory to God in the highest, and on earth peace and good will to men!” But, some may ask: Why— if Christ brought peace to earth— why are men still in strife with one another? why do they not cease from wars? Why do hatred and malice still abide in their hearts? We will answer briefly: all these things are not from God, “*For God hath not called us unto uncleanness, but unto holiness*” (I Thesal, 4, 7); they come from men themselves. The Lord „*will have all men to be saved, and to come unto the knowledge of the truth*” (I Tim. 2, 4); He tenders salvation to all; but He, at the same time, constrains no one’s will; He gives grace, but that grace does not impel irresistibly to salvation. (See Isaiah 1, 19–20; Matthew, 16, 24); for this there is needed, besides grace, that man should of his own free will set himself apart for salvation assimilate, to himself that grace of God...

— если Христосъ принесъ на землю миръ, — люди все таки враждуютъ между собою; почему войны не прекращаются; почему ненависть и злоба живутъ въ людяхъ? — Отвѣтимъ кратко: все это не отъ Бога: ибо не призва насъ Богъ на нечистоту, но во святость (1 Сол. IV, 7); все это отъ самихъ же людей. Господь всеѣмъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти (1 Тим. II, 4); всеѣмъ предлагаетъ спасеніе; но Онъ въ тоже самое время ничьей не стѣсняетъ свободы; Онъ даетъ благодать, но эта благодать не влечетъ непреодолимо ко спасенію (Ис. I, 19—20; Мате. XVI, 24): для этого, кромѣ благодати, потребно еще и свободное со стороны человѣка опредѣленіе себя ко спасенію, свободное усвоеніе этой благодати Божіей....

О, если бы все жили такъ, какъ учить насъ Евангеліе, — тогда не было бы ни браней, ни слышанія бранемъ; тогда не было бы и тѣхъ раздѣленій, какія мы замѣчаемъ не только въ дѣлахъ частныхъ, семейныхъ и общественныхъ, но даже и религіозныхъ.... Нѣтъ, — не для этого Господь сходилъ съ неба; все это есть дѣло рукъ уже человѣческихъ..

Возблагодаримъ же Господа за Его снисхожденіе къ людямъ и прославимъ Его милости къ намъ грѣшнымъ. Потщимся также быть достойными сихъ милостей — не только въ желаніяхъ своихъ, но и въ дѣлахъ своихъ. — Аминь.

1892 г. 25 Декабря.

С. Франциско.

Oh! if all would live as the Gospel teaches us, — then there would be no strife nor hearing of strife; there would not be those divisions which we note not only in private affairs, social and domestic, but even in religious matters... No! not for this did the Lord descend from Heaven — all these things are the work of human hands.

Let us then offer up thanks to the Lord for His condescension to men, and praise His mercies to us sinners. Let us also strive to be deserving of these mercies, not only in wish but in deed. — Amen.

December 25-th 1892.

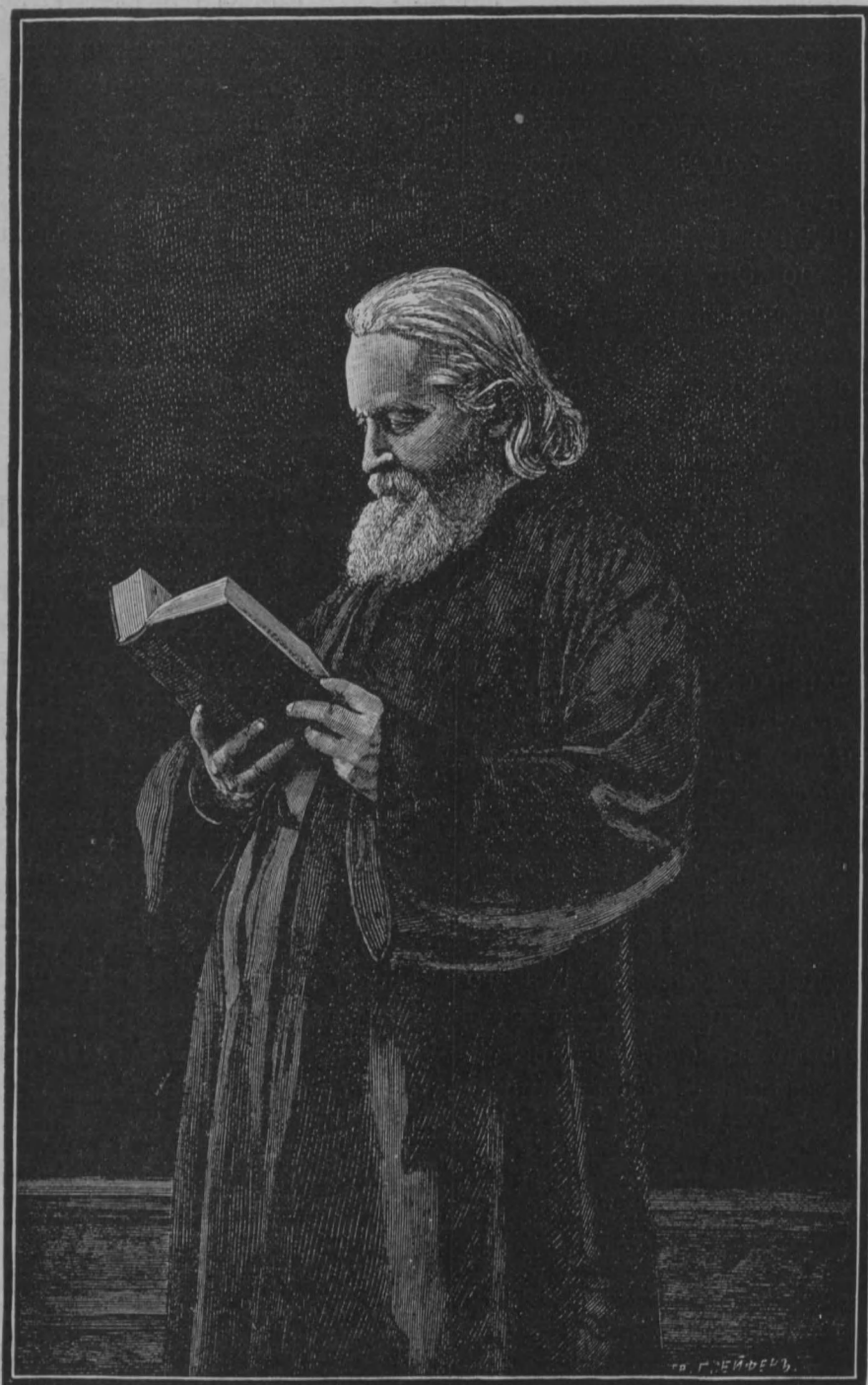
San Francisco.

Христосъ Раждается!

Витаемъ васъ, любезни братья христіяне, тымъ словомъ, а съ нимъ приносимъ вамъ по старому русскому звычаю на коляду наши щиріе желанія всякого земского и небесного добра.

Христосъ раждается! То бувъ радостный голосъ въ той преславной великой ночи, коли на темноту земскую зступило небесное свѣтло, сонце правды, ожидаемый давно Мессія, Спаситель Иисусъ Христосъ, Богъ-Человѣкъ, начальникъ мира!

И наибѣднѣйшій нынѣ радуется, що дочекався обходити рождество Того, що прійшовши на спасеніе рода людского, не выбравъ собѣ въ першій день своего земского житія царскую палатѣ, ни великое богатое мѣсто, но вертепъ, гдѣ хоронилися на поли бѣдни пастухи съ своими стадами при селѣ Вилелеемѣ. Сего великого гостя, що насъ всехъ и наибѣднѣйшихъ возлюбивъ, витаемъ нынѣ и въ хатахъ нашихъ. Въ Его памятку стелимо сѣно, ставимъ въ углы снопы, поживаемъ солодку пшеницу съ медомъ, освѣщаемъ наши хаты. Солодка наша кутя мае намъ пригадати солод-

Протоіерей І. Г. Наумовичъ

Извѣстный православный дѣятель Галицкой Руси († 1891).

кую науку Спасителя. Ясное свѣтло въ темной ночи въ нашей хатѣ и въ церквѣ мае намъ пригадати, що отъ рождества Христова прійшло ясное свѣтло правды и любви на свѣтъ.

А чи есть, братья любезни, тое ясное свѣтло межи нами всѣми, що зовемся христіянами?

О кобы оно було, тое свѣтло Христовое, межи нами всѣми, свѣтъ бувбы намъ раемъ. Но злый духъ, ворогъ рода людского, заступавъ намъ тое свѣтло, и довго довго, и до нынѣшного часу еще у насъ межи народомъ, що не давно ему руки розвязалися, пануе темнота, а отъ ней походить вся нужда людска на свѣтъ.

Ты, любезный нашъ русскій народе, хоть ты просвѣщенный свѣтломъ Христовымъ, ажъ теперъ на правду спознаешъ, що ты до свѣтла не до темноты сотворенный, ты возлюбивъ уже свѣтло, ты пробудився, ты ставъ уже за Божою помощю на лучшу дорогу, не зетупай уже съ ней, иди въ томъ направленію на передъ.

По хатахъ твоихъ уже находится книга живота, святое евангеліе, ты отрѣкаешся уже поганьства и піянства, що губило тѣло и душу твою, ты протягаешъ руки твои до писма, до науки, ты обновляешъ сердце свое, ты отвертаешъ очи твои отъ вороговъ твоихъ, що тебе тягнули въ темноту и въ пропасть, що забали посьсти достояніе отцѣвъ твоихъ, земельку твою святую, щобы запановати надъ тобою, якъ надъ своимъ невольникомъ. О любезный, сердечный русскій народе, возлюби цѣлымъ сердцемъ Того новорожденного Христа Спасителя, тое предвѣчное свѣтло розуму, и откинь отъ себе все темное, все нерозумное, все поганое! Стань не лишь по имени, но и правдѣ христіянскимъ народомъ!

Та съ Рождествомъ Христовымъ поставь собѣ народе:

1. Най не буде съ молодого поколѣня

ни одного неписьменного Русина, ни хлопця, ни дѣвчины. Книжка най буде въ каждой хатѣ, хотьбы и хлѣба не стало. Черезъ книжку науку прійшли други народы до богатства, до щастья и славы.

2. Най каждый Русинъ крѣпко и непоколебимо держится своей церкви святой, матери нашей, най любить цѣлымъ сердцемъ свой обрядокъ церковный, що ему не ма ровного на свѣтъ.

3. Най каждый Русинъ цѣлымъ сердцемъ любить свою народность, т. е. языкъ свой, свои красни и розумни звычай, свою земельку святую, най почитае память своихъ славныхъ людей, най не пхаеся до чужихъ боговъ, но най буде Русиномъ тѣломъ и душею.

4. Най каждый Русинъ спознае, що горѣвка есть загибелью русского народа. Она повалила богато церквей, она порозвалювала хаты и будынки, попалила плоты и ворота, повыганяла худобу съ обойстья, порозганяла дѣти-сироты на службу и жебры. Она будуе и добудуе криминалы, она выганяе господаря съ его прадѣдного грунту, а купуе села и фольварки гарендарямъ, она родить голодъ и холодъ, за нею идутъ блѣди, зморени, понапухани и посинѣли лица, поподбивани очи, потоки слезъ за нею текутъ. Она понѣвечила цѣли села, пустила на ганьбу цѣли поколѣня, и наше славное колісь русское имя. Русине, прійми свѣтло боже, и отрицайся сей пекельницѣ, а отжіешъ на ново!

5. Най каждый Русинъ возме собѣ до сердца, що онъ самый одинъ ничего не значить, но соединеными силами годенъ великии дѣла творити. Дивѣтся на муравля, якій маленькій, а якій огромнии купы назноситъ, и не боится ніякой нужды. Чи муравель мае бути мудрѣйшій отъ Русина?

9. Най въ каждомъ селѣ буде читальня. Кто е читати най другимъ читае

газеты и книжки, абысьте знали, що въ свѣтѣ дѣся, абысьте не ходили въ темнотѣ, щобысьте не всякому духу вѣрили, но щирымъ вашимъ пріятелямъ, що съ вашимъ добромъ и ихъ добро связано, що вашего добра цѣлымъ зерцемъ желаютъ такъ якбы и собѣ.

7. Будь скупый, но не лукавый, рахуйся съ кождымъ крайцаромъ, съ каждою годиною твоего часу. Теперь такой часъ, що треба бути скупымъ. Не знай збытку. Обходися безъ заграничныхъ рѣчей, якъ можешъ мати свои, краєви. Закинь всѣ безумни дороги звычайи съ пиятыкою. Мѣрность най буде у тебе закономъ. Гостя пріймай щиро, но не силованіемъ до обжирства и пиянства. Гость въ дому твоимъ най съ тобою забавится, поговорить, розвеселится при христіанской мѣрности, а въ всемъ най буде розумъ, доброта, жичливість, любовь. Въ томъ най буде наша слава, не въ обжирствѣ и пиянствѣ, якъ у народовъ поганскихъ.

8. Уповай Русине въ Бога и въ Его милосердіе.

Такъ списали мы вамъ на коляду, та еще до того въ конецъ щобы Господь небесный зародивъ намъ сего року всякій хлѣбець и нашу, щобѣ исполнилися стодоли и гумна наши даромъ божимъ, и оборы наши здоровою и сытою худобкою, и пасѣнки наши роями и медомъ, и коморы наши всякимъ богатствомъ и дома наши и села наши и весь край нашъ честью и славою! Та щобы новорожденный Іисусъ Христосъ просвѣтивъ насъ всѣхъ свѣтломъ своимъ небеснымъ, и давъ намъ щастливо дожидатися на безрокъ веселѣйшой та щастливѣйшой колядоньки.

Коляда «Христосъ Раждается» принадлежитъ перу О. Іоанна Наумовича и извлечена изъ журнала «Наука», любимого дѣтища незабвеннаго О. Іоанна. (см. портретъ на стр. 128)

КОЛЯДА

Братямъ Русскимъ .

въ

Америцѣ.

Во Юдеи, въ Веелеемѣ
За царя Ирода,
Народивъ ся Христосъ Богъ,
Спасъ люцкого рода.
Воплотивъ ся, народивъ ся
Отъ Дѣвы Маріи,
Якъ Исайя предеказавъ
О той-то подѣи.
Прото весь міръ православный
Днесъ свято святкуе,
День Христова Рождества
Всесвѣтло праздуе.
Съ веселіемъ въ души, въ серцю
Воздаймо честь Слову!
Еже Плоть бысть и совершило
Всесвѣтню обнову:
Первозданный чоловѣкъ
Бувъ вѣнцемъ твореня,—
Слово бутя лишень въ немъ
Все мало значеня;
Онъ собою соединявъ
Небо изъ землею:—
Самъ изъ земли,—но онъ живъ
Безмертной душею!
Пречудесную картину
Представлявъ свѣтъ божій
Коли выйшовъ изъ рукъ Творця
Прекрасный та гожий!...
Повнымъ ключемъ било жите,
усе ликувало—
Смутку, горя и терпѣня
Тодѣ-то не зналось.
Криковъ болю не чутъ було
У те время оно,
Незнять було ще тодѣ
Предсмертного стону.

Прехороша гармонія
 Въ мірѣ панувала,
 Коли волѣ Божой люде
 Свою подчиняли.

Не журивъ ся тодѣ Адамъ
 О завтришну днину,
 Онъ щастливый бувъ совсемъ
 У своимъ Едену.

Но якъ въ ясный день громъ зъ неба
 Сли стрѣхи доткнеть ся—
 Нищить добро хлѣбороба,
 Все съ дымомъ несеть ся.

Й его працю потъ кервавий
 Въ попелъ обертае
 А самого зъ родиню
 Жебратъ заставляе...

Такъ въ день ясный свого щастя
 Доткнувъ—съ Адамъ плода
 Зъ деревини, що росла
 Средь раю—города,—

Онъ доткнувъ ся и нещувъ ся
 Якъ передь очами
 Щезло щасте, зникнувъ рай
 Онъ заливъ—съ слезами...

Переступивъ заповѣдь
 Свого Творця Бога,—
 Спознавъ свою наготу
 Тай душу убогу!

Блукаеть ся згнанникъ рая
 По распутямъ міра,
 Полегчю въ его горю
 Була въ Христа вѣра!

Родна колись земля мать
 Мачохою стала,
 Поколѣня Адамове
 Якъ лия падало...

Одно зъ земель ровняло ся
 Друге выросло,
 Въ потѣ чола працюючи,
 Долю проклинали.

Въ умѣ мрачно, въ серцю пусто—
 Вно рвалось до Бога,

Но терніемъ проклятїя
 Заросла дорога!

Чорная ночь, що вкрывала
 Веелеемски поля,
 Представляла ночь вѣкову
 Тьмы, злобы неволѣ.

Но сяево наразъ зъ неба
 Тьму ночну прогнало—
 Й слава, слава въ вышнихъ Богу!
 Кругомъ залунало.

Конецъ царству діавола
 На семь земномъ свѣтѣ,
 Падшій Адамъ опять воставъ
 У новомъ завѣтѣ!

У завѣтѣ любви, мира,
 Свѣтла, правды, воли,
 Забезпеки посмертної
 Свѣтлой нашої доли.

Чоловѣчу грудь томила
 Тревога вѣками,
 Христосъ съ небесъ миръ всѣмъ принесь
 Мы вже не рабами!

Лучемъ правды озарени
 Поклонѣмъ ся Слово,
 Сонцю правды изъ Востока
 Воспоймо пѣснь нову!

Ленѣмъ духомъ во Веелеемъ
 Клякнѣмъ предъ вертепомъ,
 Подякуймо Отрочату
 Словомъ щиримъ, теплымъ!

Сонце правды возсіяло
 Зъ высоты Востока,
 Зъ оттамъ вѣру Русь приняла
 Въ девятьсотномъ року.

Тая вѣра е правдива,
 „Православна“ зветь ся,
 Для котрой міліоны
 Рускихъ сердець беть ся!

Тримаймо ся той вѣры,
 До неї горнѣмъ ся!
 И за братовъ нашихъ въ блудѣ
 Отъ серця молѣмъ ся!

Щобъ на Востокъ— не на Западъ
Шукать правды стали:
На Западъ лишень обманъ,
Чи ще не спознались?

Изъ книги

«МОСКОВСКІЙ СБОРНИКЪ.»

(Издание К. П. Побѣдоносцева. Москва 1896 г.)

Говорятъ, что обрядъ— неважное и второстепенное дѣло. Но есть обряды и обычаи, отъ которыхъ отказаться— значило бы отречься отъ самаго себя, потому что въ нихъ отражается жизнь духовнаго человѣка или всего народа, въ нихъ сказывается цѣлая душа. Въ разности обряда выражается всего явственнѣе коренная и глубокая разность духовнаго представленія, таящаяся въ безсознательныхъ сферахъ духовной жизни,— та самая разность, которая препятствуетъ сліянію или полнотѣ взаимнаго сочувствія между разноплеменными народами и составляетъ основную причину разности церквей и вѣроисповѣданій. Отрицать, съ отвлеченной, космополитической точки зрѣнія, дѣйствіе этой притягательной или отталкивающей силы, приравнивая ее къ предразсудку,— значило бы тоже, что отрицать силу сродства (*wahlverwandschaft*), дѣйствующую въ личныхъ между людьми отношеніяхъ.

Какъ знаменательна, на примѣръ, у разныхъ народовъ разница въ погребальномъ обрядѣ и въ обращеніи съ тѣломъ покойника! Южный человѣкъ, итальянецъ, бѣжитъ отъ своего мертвеца, спѣшитъ какъ можно скорѣе очистить отъ него домъ свой и предоставляетъ постороннимъ заботу о его погребеніи. Напротивъ того, у насъ въ Россіи, характерная народная черта— религиозное отношеніе къ мертвому тѣлу, испол-

Сонцю правды щобъ кланялись,
Не земному богу,
Котрый велить цѣловати
Свою дряхлу ногу.

Свящ. Гр. Грушика.

From the Essays
of

C. P. Pobiedonostsef,

published in Moscow under the title of
MOSCOVSKOY SBORNIK „Moscow Collection“

Many people hold that rite is an unessential and secondary matter. Yet there are rites and customs to renounce which would mean renouncing one's own self, because in them is reflected a man's or a people's spiritual life, is expressed a people's whole soul. The difference in rites renders most tangibly the deep and fundamental difference in spiritual conception which lurks in the sphere of unconscious spiritual life— the self-same variety which hinders fusion or full sympathy between peoples of different races and is the fundamental cause of the difference between churches and confessions. To take one's stand on abstract cosmopolitanism and thence deny this force of attraction and repulsion, bringing it down to mere prejudice, would be the same as to deny the force of affinity— (*Wahlverwandtschaft*)— which operates in the personal relations between human beings.

How significant, for instance, is the difference in funeral rites and the treatment of the dead among different nations! The man of the South— the Italian flees from his dead, strives to clear the house of their presence as soon as possible, and leaves to strangers the care of burying them. With us, in Russia, on the contrary, a religious relation to the dead, full of love, tenderness, and reverence, is a national characteristic. Through the ages from remotest eld down to our own

ненное любви, нѣжности и благоговѣнія. Изъ глубины вѣковъ отзывается до нашего времени, исполненный поэтическихъ образовъ и движеній, плачь надъ покойникомъ, превращаясь, съ принятіемъ новыхъ религиозныхъ обрядовъ, въ торжественную церковную молитву. Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ нашей страны, погребальный обычай и обрядъ не выработался до такой глубокой, можно сказать, виртуозности, до которой достигаетъ у насъ; и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ его складѣ отразился нашъ народный характеръ, съ особеннымъ, присущимъ нашей натурѣ, мировоззрѣніемъ. Ужасны и отвратительны черты смерти повсюду, но мы одѣваемъ ихъ благолѣпнымъ покровомъ, мы окружаемъ ихъ торжественною тишиною молитвеннаго созерцанія, мы поемъ надъ ними пѣнь, въ которой ужасъ пораженной природы сливается во-едино съ любовью, надеждою и благоговѣйною вѣрой. Мы не бѣжимъ отъ своего покойника, мы украшаемъ его въ гробѣ, и насъ тянетъ къ этому гробу— взглянуться въ черты духа, оставившаго свое жилище; мы поклоняемся тѣлу и не отказываемся давать ему послѣднее цѣлованіе, и стоимъ надъ нимъ три дня и три ночи съ чтеніемъ, съ пѣніемъ, съ церковною молитвой. Погребальныя молитвы наши исполнены красоты и величія; онѣ продолжительны и не спѣшатъ отдать землѣ тѣло, тронутое тлѣніемъ,— и когда слышишь ихъ, кажется, не только произносится надъ гробомъ послѣднее благословеніе, но совершается вокругъ него великое церковное торжество въ самую торжественную минуту бытія человѣческаго! Какъ понятна и какъ любезна эта торжественность для русской души! Но иностранецъ рѣдко понимаетъ ее, потому что она— совсѣмъ ему чужая. У насъ чувство любви, пораженное смертью, расширяется въ погребальномъ обрядѣ; у него— оно болѣзненно сжимается отъ того же обряда и поражается однимъ ужасомъ.

time, we hear the pathetic threnody, teeming with poetical imagery and emotion— only that, with the accession of new religious rites, it is transformed into the solemn prayers of the church. In no other country in the world have funeral customs and rites been elaborated to such, we may say, artistic perfection, and there is no doubt but that they reflect our national character with the views and feelings peculiar to our nature. Horrible and repulsive death always must be; but we robe it in seemliness, we surround it with the solemn calm of prayerful meditation, we sing of it a song in which the horror of awe-struck nature is merged into love, hope, and reverent faith. We do not flee from our dead; we make them beautiful in the coffin and we are drawn to that coffin, to take a long look at the features of the spirit which has left its house of clay, we do honor to the body and do not shrink from the farewell kiss, and we stand guard over our dead three days and three nights, reading, praying, assisted by the prayers of the church. And these funeral prayers of ours are full of beauty and grandeur; they last long, there is no hurry to give up the body to the earth, even though touched by corruption,— and as we listen, it seems as though we witness not merely a last blessing pronounced over the grave, but a great church solemnity enacted around it, at the most solemn moment of human existence. How dear is this solemnity to every Russian soul, how strongly it appeals to it! But foreigners seldom comprehend it,— because they *are* foreigners. With us love, stricken by death, is deepened and broadened by the funeral rite; with them, it painfully shrinks away before the same rite, and only horror remains.

A German Lutheran, a resident of Berlin, lost by death, in Russia, a dearly loved sister, who belonged to the Orthodox Church. When he arrived, on the eve of the funeral, he found her lying in her coffin; he was

Нѣмецъ— лютеранинъ, жившій въ Берлинѣ, потерялъ въ Россіи горячо любимую сестру православную. Когда онъ пріѣхалъ къ намъ, наканунѣ погребенія, и увидѣлъ любимую сестру, лежащую въ гробѣ, ужасъ поразилъ его, сердце его сжалось, и видно было, что чувство любви и благоговѣнія уступило въ немъ мѣсто отвращенію, съ которымъ онъ присутствовалъ при прощаніи съ мертвымъ тѣломъ и долженъ былъ самъ принять въ немъ участіе... Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, нѣмецъ не можетъ понять насъ, покуда не поживетъ съ нами и не войдетъ въ глубину духовной нашей жизни. Отъ этой же, кажется, причины ничто столько не возмущаетъ лютеранина въ нашей церкви, какъ поклоненіе св. мощамъ, которое для насъ самихъ, по природѣ нашей, кажется такъ просто и естественно,— когда мы и своимъ покойникамъ кланяемся, и ихъ тѣло обнимаемъ и чувствуемъ въ погребеніи. Онъ, не живя нашею жизнью, не видитъ въ этомъ чувствованіи ничего, кромѣ дикаго суевѣрія, а для насъ — это движеніе и дѣло любви, самое природное и простое.

Трудно ему понять насъ, такъ же какъ намъ дико и противно слышать о возникшей недавно въ германскомъ и англійскомъ обществѣ агитаціи, требующей введенія новаго погребальнаго обряда. Они хотятъ, чтобы мертвые не предавались землѣ, а сожигались въ особо-устроенныхъ печахъ,— и требуютъ этого съ утилитарной и гигиенической точки зрѣнія. Пропаганда эта усиливается, собираются митинги, составляются общества, устраиваются на счетъ частныхъ лицъ усовершенствованныя печи, производятся химическіе опыты, сочиняются траурныя марши, которыми должно сопровождаться сожиганіе... Голоса растутъ, крики усиливаются, во имя науки, во имя просвѣщенія, во имя общественного блага. Изъ какого дальняго міра, изъ какого быта доносятся до насъ

stricken with horror, his heart sank within him; it was evident that the feeling of love and reverence gave way to repulsion as he witnessed the last farewells to the body, in which he had to take part himself... In this, as in many other things, a German can not understand us until he has lived with us some time and sounded the depths of our spiritual life. It is probably for the same reason that nothing in our church is so repulsive to a Lutheran as the honor we pay to the holy relics of saints, which to us, owing to our nature, is so simple a thing— since we do homage to our own dead, embrace them and honor them in the last rites. The Lutheran does not live our life and therefore sees in this nothing but barbarous superstition, while to us it is an impulse of love, the simplest and most natural in the world.

It is as hard for him to understand us as it is strange and repulsive to us to hear of the agitation lately set on foot in England and in Germany, for the introduction of a new funeral rite. The dead are no longer to be committed to the earth, but to be cremated in specially constructed furnaces. The demand is made in the name of hygiene and the public good. The propaganda is gaining ground, meetings are held, companies are formed, improved furnaces are constructed at the expense of private persons, chemical experiments are made, funeral marches are composed, to be played during the process of cremation... There is much loud talking, much noise, all in the name of science, of civilization, of the public good. From what a remote world, what a strange sphere of life, all this noise comes to us— and how foreign that world, how cold and cheerless! God save us from dying in that world, those foreign lands, far from our own Russian mother earth!

*
* * *

Protestants find fault with us for the formality and ceremonial of our church ser-

Эти звуки— и какой этотъ міръ чужой для насъ, какой непріютный и холодный! Нѣтъ, не дай Богъ умирать въ томъ краю, на чужбинѣ, вдали отъ матери сырой земли русской!

*
**

Протестанты ставятъ намъ въ упрекъ формальность и обрядность нашего богослуженія; но когда посмотришь на ихъ обрядъ, то невольно отдаешь и въ этомъ отношеніи предпочтеніе нашему обряду; чувствуешь, какъ нашъ обрядъ простъ и величественъ въ своемъ глубокомъ, таинственномъ значеніи. Священнослужитель поставленъ въ нашемъ обрядѣ такъ просто, что отъ него требуется только благоговѣйное вниманіе къ произносимымъ словамъ и совершаемымъ дѣйствіямъ; въ устахъ его и чрезъ него священные слова и обряды сами за себя говорятъ— и какъ глубоко и таинственно говорятъ душѣ каждого и соединяютъ все собраніе въ одну мысль и въ одно чувство! Оттого самый простой и не искусный человѣкъ можетъ, не подстраивая себя, не употребляя искусственныхъ усилій, совершать молитвенное общеніе со всей церковью. Протестантскій молитвенный обрядъ, при всей наружной простотѣ своей, требуетъ отъ священнослужителя молитвеннаго дѣйствія въ извѣстномъ тонѣ. Оттого въ этомъ обрядѣ только глубоко духовные или очень талантливые люди могутъ быть просты; остальные же— т. е. огромное большинство, принуждены подстраивать себя и прибѣгать къ аффектаціи, которая именно въ протестантскихъ храмахъ чаще всего встрѣчается и производитъ на непривычнаго человѣка тягостное впечатлѣніе. Когда видишь проповѣдника, какъ онъ, стоя посреди храма, лицомъ къ размѣщенному чинно на скамьяхъ собранію, произноситъ молитвы, воздѣвая глаза къ небу, сложивъ руки въ извѣстный всѣми употребляемый видъ, и придаетъ своей рѣчи неестественную интонацію,— становится не-

vice. But when we look at their ritual, we cannot but give the preference to our own in this respect as well as in others. We feel how simple and grand our ritual is in its profound, mystical significancy. The officiating priest's part is so simple that nothing is demanded of him except reverent attention to the words he utters and the acts he performs. Through his lips and actions the sacred words and rites speak for themselves— and how deeply and mystically they do speak to each soul, how they gather the entire congregation into one thought and one emotion! Hence the simplest, most untutored member may, without artificial self-adjustment, without intentional effort, perform the act of prayer, and enter through prayer into communion with the entire church. The Protestant prayer ritual, with all its seeming simplicity, demands that the officiating minister should perform the act of prayer in a certain tone. Hence only profoundly spiritual or very talented men can remain simple while following that ritual; the rest— i. e. an immense majority— are constrained to wind themselves up to a certain pitch, and have recourse to affectation, a fault which is most frequently met with in Protestant churches and which produces, on one unaccustomed to the service, a painful impression. When you see how a preacher, standing in the middle of the church, facing the congregation, who are decorously seated on rows of benches, recites the prayers with eyes turned up to heaven, and hands folded into the well known conventional attitude, and when you hear how he gives his speech unnatural intonations— you begin to feel awkward on his behalf, from imagining how awkward *he* must feel! This feeling of awkwardness grows on you still more when, having accomplished the rite, he ascends the pulpit and begins his long sermon, turning round from time to time, to take a drink of water and gather his thoughts together. And it is seldom you happen to hear in that serr

ловко за него; думается, какъ должно быть ему неловко! Еще оцутительнѣе становится неловкость, когда, окончивъ обрядъ, онъ всходитъ на каедрю и начинаетъ свою длинную проповѣдь, обарачиваясь отъ времени до времени назадъ, чтобы выпить изъ стакана воды и собраться съ духомъ. И въ этой проповѣди рѣдко случается слышать дѣйствительно живое слово,— когда проповѣдникъ дѣйствительно духовный человекъ и талантъ. Говорятъ большою частью работники церковнаго дѣла, чрезвычайно натянутымъ голосомъ, съ крайнею аффектаціей, съ сильными жестами, поварачиваясь изъ стороны въ сторону, повторяя на разные лады общія, всеми употребляемая фразы. Даже, когда читаютъ на книгѣ, что не рѣдко случается, они прибѣгаютъ къ извѣстнымъ тѣлодвиженіямъ, интонаціямъ и разстановкамъ. Нерѣдко случается, что проповѣдникъ, произнося нѣкоторыя слова и фразы, кричитъ и ударяетъ кулакомъ по каедрѣ, чтобы придать выразительность своей рѣчи... Здѣсь чувствуешь, какъ вѣрно примѣнилась наша церковь къ природѣ человѣческой, не помѣтивъ проповѣди въ составъ богослужебнаго обряда. Весь нашъ обрядъ, самъ по себѣ, составляетъ лучшую проповѣдь, тѣмъ болѣе дѣйствительную, что всякій принимаетъ ее не какъ человѣческое, а какъ Божіе слово. И церковный идеаль нашей проповѣди, какъ живого слова, есть ученіе вѣры и любви, отъ божественныхъ писаній, а не возбужденіе чувства, какъ необходимое дѣйствіе каждаго священнослужителя на собравшихся въ церковь для молитвы.

*
**

Въ древнемъ Римѣ разсѣлась однажды земля: открылась бездонная пропасть, угрожавшая поглотить весь городъ. Какъ ни трудились, какъ ни старались поправить бѣду,— ничто не удавалось. Тогда обратились къ оракулу; оракуль отвѣтилъ, что пропасть закроется, когда Римъ принесетъ

on a really living word— only when the preacher is a truly spiritual or talented man. These journeymen of church work usually speak in an exceedingly strained voice, with extreme affectation, with emphatic gestures, turning from side to side, ringing endless changes on trite, commonplace phrases. Even when they read from a book, as they often do, they have recourse to all sorts of motions of the body, intonations, pauses. It not unfrequently happens that the preacher, on certain words or sentences, raises his voice almost to a shriek, and thumps the pulpit with his fist to emphasize his speech.. One realizes then how faithfully our church has adapted herself to human nature, in not making of the sermon an integral part of the service. Our ritual is in itself the best of sermons all the more efficient that the worshipper receives it as the work not of man, but of God. And the ideal of our preaching, in the spoken living word, is the teaching of faith and love, taken from Holy Writ, not the exciting of emotion, as the effect which every officiating priest must strive to produce on the congregation assembled in church for prayer.

*
**

Once upon a time it came to pass in ancient Rome that the earth opened and there yawned, a bottomless chasm which threatened to swallow up the city. They labored hard to remedy the evil, but in vain— nothing helped. Then they consulted the oracle. It answered that the chasm would close when Rome should have sacrificed to it her greatest treasure. Everybody knows what followed. Curtius, the chief citizen of Rome, brave among the brave, cast himself into the chasm—and it was closed.

In our own modern world such a bottomless chasm has opened at our feet the impassable abyss of pauperism, which separates the rich from the poor. What do we not cast into it, to fill it up! wagon loads of

ей въ жертву первую свою драгоценность. Извѣстно, что затѣмъ послѣдовало. Курцій, первый гражданинъ Рима, доблестный изъ доблестныхъ, бросился въ пропасть, и она закрылась.

И у насъ въ новомъ мірѣ, открывается страшная пропасть,— пропасть пауперизма, отдѣляющая бѣднаго отъ богатаго непроходимую бездною. Чего мы не свергаемъ въ нее для того, чтобы ее наполнить! цѣлыми возами деньги и всяческіе капиталы, массу проповѣдей и назидательныхъ книгъ, потоки энтузіазма, сотни и тысячи придуманныхъ нами общественныхъ учрежденій— и все пропадаетъ въ ней, и бездна зияетъ передъ нами попрежнему. Нѣтъ-ли и у насъ оракула, который возвѣститъ бы намъ вѣрное средство? Слово этого оракула давно сказано и всѣмъ намъ знакомо: „заповѣдь новую даю вамъ — да любите другъ друга.“ Еслибъ умѣли мы углубиться въ это слово и взойти на высоту его, еслибъ рѣшились мы бросить въ бездну то, что взего для насъ драгоценнѣе— наши теоріи, наши предразсудки, наши привычки, связанные съ исключительностью житейскаго положенія, въ которомъ каждый утвердиль- себя,— мы принесли бы себя самихъ въ жертву безднѣ,— и она навсегда бы закрылась.

СЪ НАМИ БОГЪ!

Помѣщаемое ниже въ копіи прошеніе Скраптонскихъ униатовъ на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Николая, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, представляетъ собою отзвукъ того громаднаго движенія въ пользу православія, которое въ теченіи самаго незначительнаго промежутка времени возвратило православной Церкви тысячи нѣкогда оторванныхъ отъ нея членовъ, и которое сейчасъ достигло особен-

money, capital in every form, heaps of sermons and edifying books, torrents of enthusiasm hundreds and thousands of specially invented public institutions— and everything disappears and is lost in the chasm, and still it yawns at our feet. Is there no oracle amongst us, that could tell us the right thing to do? That oracle has spoken long ago, and the words are familiar to everybody: „A new commandment I give unto you, that ye love one another; even as I have loved you, that ye also love one another.“ If we knew how to descend into the depth of these words and ascend to their height, if we determined to cast into the chasm all that we hold most precious,— our theories, our prejudices, our habits, bound up in the exclusiveness of the social position in which each of us has firmly seated himself,— we would sacrifice ourselves to the chasm, and it would close forever.

ной силы развитія.. Съ глазъ народа падаетъ повязка, которую ему насильно надѣли его недруги,— въ немъ все болѣе крѣпнеть сознание той неправды и обмана, какими, противъ воли народа, похищено было у него самое дорогое его сокровище, его правднѣя истинная вѣра, его доброе „православное“ имя.. И съ негодованіемъ противъ такого обмана и насилія въ душѣ народа растетъ желаніе разорвать ненавистныя ему цѣпи духовнаго подчиненія Риму и отречься отъ противнаго и несроднаго ему прозвища „униата“...

Бьютъ тревогу униатскіе органы, „просвѣтители“ народные!. Они чувствуютъ, какъ колеблется почва подъ ногами ихъ,— и боязнь потерять то, на чемъ построили они свое благосостояніе, повергаетъ ихъ въ крѣпчайшую злобу: грязью и клеветой кидаютъ они въ нашу миссію.. Но они не сильны: имъ не вѣрится народъ... Никогда и никѣмъ, ни одного убѣ

дительно слова въ защиту уніи не можетъ быть сказано! Даже у самыхъ заядлыхъ враговъ православія, которые безъ зазрѣнія совѣсти праздновали недавно нелѣпнѣйшій „юбилей“ уніи, не поднялось рука составить такъ исторію уніи, чтобы она говорила въ ихъ пользу!*)

(* «Галичанина» пишетъ: Образовавшійся въ прошломъ году комитетъ для отпразднованія 300 лѣтняго юбилея берестейской уніи, рѣшилъ между прочимъ издать короткую исторію уніи. Ту точку программы упомянутый комитетъ по неизвѣстной причинѣ до сихъ поръ еще не исполнилъ. Между тѣмъ, такой историческій подручникъ нуженъ особенно теперь русскимъ священникамъ, обязаннымъ при различныхъ случайностяхъ проповѣдати на тему уніи. Вправдѣ могли бы священники заимовати свѣдѣнія о введеніи уніи изъ существующихъ уже русскихъ или даже безстороннихъ польскихъ источниковъ но тамъ гоненія, насилія и кровопролитія, сопровождавшія введеніе уніи, представлены въ такъ ужасныхъ краскахъ, що они къ церковнымъ проповѣдямъ совсѣмъ не годятся, и вмѣсто пользы, принесли бы большій вредъ. Впрочемъ въ нашей Галилеи теперь такъ водится, що не за ложь, лишь за открыто высказанную правду подвергаютъ карамъ. Если русскій священникъ дерзнулъ бы въ истинномъ освѣщеніи представить на проповѣди всѣ тѣ ужасы, якими при введеніи уніи на русской землѣ переполнена каждая страница исторіи, то ожидала бы его строгая ответственность. . . . — Замедленіе изданія упомянутой исторіи послѣдовало вѣроятно по той причинѣ, що комитету не удалось ни одного автора убѣдiti, чтобы сочинилъ исторію о уніи съ фактами, расходящимися съ исторіею. То обстоятельство навѣрно заставило комитетъ отступить отъ первоначального намѣренія, и съ болью сердца согласиться съ тѣмъ, чтобы столь высокой стоимости историческое событіе было предано найскоршему забвенію.»

Много говорятъ намъ эти немногія строки прошенія Скрантонцевъ: въ каждомъ словѣ его звучитъ правда, — печальная глубокая правда.. Предъ нами проносятся столѣтія уніи, съ ея ужасами, насиліемъ, ложью... Народъ мучать; терзаютъ и калѣчатъ его добрую душу.. Калѣчатъ дорогую православную вѣру.. Сколько перестрадалъ бѣдный русскій народъ въ эти долгіе годы... Здѣсь, въ чужой землѣ принужденъ онъ искать отдыха, но и здѣсь мутятъ его душу „проклоны“ и ссоры его незванныхъ руководителей— „вандривныхъ душпастырей“... Дай же, Боже, силы и разума этимъ бѣднымъ людямъ вырваться на правую дорогу!..

И погибнуть созданные и поддерживаемые корыстью и личными интересами заблужденія.. Истина должна побѣдить!..

Ваше Преосвященство

Преосвященнѣйшій Архіерей!

Милостивѣйшій Владыка

и

Отецъ.

Судьба русскаго народа такъ въ Галичинѣ якъ Угорщинѣ очень печалива; въ Угорщинѣ насъ мадаризуютъ, а въ Галичинѣ полячатъ. Столѣтія проминули а нашъ малорусскій народъ переревивъ тяжелы времена въ борьбѣ за свою святу Православну вѣру и русску народность, но къ сожалѣнію онъ и до сего времени въ неволи чужинцѣй: Намъ отбираютъ нашъ родной намъ русскій языкъ, нашу прадѣдную св. Православную вѣру хотяй не совершенно намъ ей отобрали, однакъ испортили намъ нашу св. Православну вѣру, впровадивши въ нашъ святыи обрядъ новшости римской діавольской пропаганды, въ которой выдумали злонамятную на гибель нашего русскаго народа унію и втягли народъ въ заслѣпленіе. Нашъ русскій народъ не принявъ уніи, даже не понимаетъ уніи; онъ зна-

еть, что ему наказали почитать папу за главу церкви, за святого непогрѣшимого и другѣе, а накопи народъ не хотѣлъ, то его мучили и казали, что папа православный, а другіе шизматики; такъ народъ дурили. И до сегодня суть уніатскіе священники, которыи народъ такъ баламутятъ, но, слава Богу, народъ нашъ прозрѣлъ и не вѣритъ въ такія дурачества. Здѣ свободный край и нѣкто не можетъ насъ переслѣдовати за вѣру; мы малорусскій народъ зъ Угорцины и Галичины примушени были опустити родной край и глядати пристановища въ чужинѣ а уповаючи на милосердіе Божіе прибули въ сей далекій чужій американскій край—и не позабувъ нашъ русскій челоуѣкъ за свою вѣру и народность. Построили мы церкви нашимъ власнымъ трудомъ, но тѣ дома Божіи суть торжищемъ нашихъ старокраевыхъ уніатскихъ священниковъ: вмѣсто богоугодной молитвы—ссоры, проклоны и процеса на церквахъ, а причиною сего суть уніатскіи священники, котрыи робятъ незгуду между народомъ а сами користають съ невѣжества народа.

Мы русски въ Скрантонѣ построили церковь, платили наши повинности,— а есть ту русскаго народа больше три тысящи челоуѣкъ такъ угро-русовъ якъ и галичанъ,— сегодня тая церковь имѣеть болѣе долгства, какъ була стоимость постройки ея. Вотъ якое хозяйство. Церковь нашу обнялъ въ свое покровительство латинскій бискупъ, а священникъ уніатскій Х. есть найзавязтшимъ ворогомъ всего что русское. Мы отъ двохъ годовъ стараемся, чтобы позбути ся того старокраевого рабства, однакъ уніатскій священникъ Х. баламутитъ народъ и тяжко идетъ наше дѣло. Мы заложили братство имени Петра и Павла, которое числитъ членовъ 31 и мѣетъ задачу старатися о постройки церкви. Мы постараемся исперва о довременную часовню и просимо Ваше Преосвященство принять насъ въ свое покровительство и удѣлити намъ своего Архіерейскаго благословенія. При этомъ просимо покорнѣйше Ваше Преосвященство принять наше братство въ Общество Православныхъ

Братствъ Взаимопомощи. Мы въ свое время ожидали приѣзда Вашего Преосвященства въ Олдъ Форджъ, гдѣ мы по воскресеніямъ учащаемъ на Богослуженія. Просимо покорнѣйше Ихъ Преосвященство изволятъ прислати къ намъ священника на изслѣдованіе и присоединеніе насъ къ святой православной церкви.

Прирѣкаемо при этомъ, что будемо старатися усердно вѣрниковъ къ нашей св. вѣрѣ изъ заблужденія къ правдѣ истинной Христа Спасителя навернути и боронити нашу св. православную вѣру отъ всѣхъ вражихъ нападовъ.

Разныя Извѣстія.

Наши друзья.

Въ воскресномъ номерѣ Нью-Йоркской газеты „Sun” отъ 15—27 декабря, помѣщена большая статья „A Great Russian” (Великій Россіянинъ); въ ней, послѣ краткой біографіи, въ общихъ чертахъ указаны характеръ и направленіе полувѣковой государственной дѣятельности Г. Оберъ Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева. Статья дополнена портретомъ Константина Петровича. Размѣръ статьи, появленіе ея въ воскресномъ, наиболѣе внимательно прочитываемомъ, номерѣ безусловно— солиднѣйшаго изъ ежедневныхъ американскихъ изданій и, главное, серьезный тонъ статьи являются для насъ отраднымъ доказательствомъ того, насколько усилился и повысился въ качествѣ интересъ американскихъ читателей къ Россіи и ея достойнымъ представителямъ. Достичъ этого здѣсь было нелегко, т. к. приходилось— прежде чѣмъ знакомить съ истинной Россіей— бороться съ предубѣжденіемъ противъ всего русскаго, поселеннымъ въ америк. публикѣ нашими недругами вродѣ Гончаренко (см. ниже).— Статья принадлежит перу выдающагося литератора-публициста Э. Э. Брайта, редактора одного изъ мѣстныхъ духовныхъ

журналовъ. Mr Bright ни разу не бывалъ въ Россіи, но прекрасно изучилъ русскій языкъ и знакомъ съ русскими историками и классиками по подлинникамъ.

Н а ш и н е д р у г и .

— Нѣкій бѣглый монахъ А г а п і й Г о н ч а р е н к о, проживающій недалеко отъ г. Аламеда въ Калифорніи, на собственной фермѣ, именуемой „Украина,“— время отъ времени даетъ о себѣ знать мѣстному обществу самыми нелѣпѣйшими сообщеніями о Россіи и Русскомъ Правительствѣ. Сотрудничалъ онъ въ нигилистическомъ журналѣ „Прогрессъ,“ гдѣ и помѣстилъ свою біографію; сотудничаетъ онъ въ украинофильской „Свободѣ“ и въ другихъ враждебныхъ Россіи газетахъ— какъ Европейской, такъ и американской прессы. Одно время онъ очень много интриговалъ противъ нашей православной миссіи въ С. Франциско,— особенно во времена Преосвященнаго І о а н н а , а теперь, на концѣ дней своихъ, повидимому снова начинаетъ повторять прежніе годы. Такъ въ недавнее время, въ С. Франциск. газетѣ „Examiner,“ онъ заявилъ, что—де русскіе агенты его преслѣдуютъ, жизнь— де его въ опасности, голова оцѣнена и пр. нелѣпости.. Люди мало знакомые съ нашимъ отечествомъ могутъ и повѣрить. Считаемо нужнымъ заявить, что Г о н ч а р е н к о м ъ у насъ въ Россіи рѣшительно никто не интересуется и что все, что онъ сообщаетъ о преслѣдованіяхъ со стороны русскихъ агентовъ— есть чистѣйшій вздоръ полупомѣшаннаго старика. Такихъ господъ, какъ Гончаренко, наше Отечество всегда съ удовольствіемъ отдастъ кому угодно, лишь бы избавиться отъ лишнихъ хлопотъ съ ними у себя дома!

*
* *

—A certain runaway, monk Agapius Gontcharenko, residing not far from the city of Ala-

meda in California, on a farm of his own, which he has named „Ukraina,“ occasionally makes the local population aware of his existence by volunteering most preposterous items of information concerning Russia and the Russian Government. He has been a contributor to the nihilistic paper „Progress,“ in which he published his autobiography; he still is a contributor to the Ukrainophil organ „Suoboda“ (Liberty) and other papers hostile to Russia, both European and American. At one time he was very busy intriguing against our Orthodox Mission in San Francisco, especially during the episcopate of Bishop Ioannes, and now, at the close of his days, he apparently is at his old tricks again. Thus he recently stated in the „Examiner,“ that Russian agents are persecuting him, that his life is in danger, that a price is set on his head, and other absurdities. Persons unfamiliar with our country might believe him; therefore we think it necessary to declare that not a soul in Russia takes the least interest in Gontcharenko, and that all that he tells about the persecution he suffers from Russian agents, is unmitigated nonsense— the drivelling of a half crazy old man. Russia will always be glad to make a present of such specimens to anybody that wants them, so as to be rid of the bother of dealing with them at home.

Отъ Редакціи:

Помѣщенная въ предыдущемъ номерѣ (№7) нашего журнала « Пѣснь Святителю Христову Николаю » извлечена изъ молитвослова « Богъ Надежда моя »; (изданіе Общ. Качковского- Львовъ); это любимѣйшая пѣснь всѣхъ карпаторуссовъ.

О Ф Ф И Ц І А Л Ы Н Ы Й

Отъ Президента Соединенныхъ Штатовъ

1) П Р О К Л А М А Ц І Я .

Принимая во вниманіе,

Что, прокламаціей отъ 21-го іюня 1890-го года, Президентъ Соединенныхъ Штатовъ удержалъ нѣкія земли въ Джуно и Дугласъ Сити, въ Форъ-Врангелъ и Ситкѣ, въ Аляскинской Территоріи, нодъ общественныя зданія, казармы, плашарады, парки, пристани, угольныя станціи, и пр., кои сполна опредѣлены и подробно описаны въ вышепомянутой прокламаціи, —

Что, 20 го іюня 1867-го года, послѣдовали обмѣнъ и объявленіе трактата, коимъ Россійская Имперія уступала Соединеннымъ Штатамъ Аляскинскую Территорію, —

Что, Статьею II упомянутого трактата, постановлялось между прочимъ слѣдующее:

«Полагается однако, по взаимному соглашенію, что церкви, построенныя Россійскимъ правительствомъ въ территоріи нынѣ уступленной, должны пребывать собственностью членовъ Греческой Восточной Церкви проживающихъ въ территоріи и желающихъ въ оныхъ присутствовать при богослуженіи,» —

Что въ число земель «удержанныхъ» 21-го іюня 1890-го года, какъ упомянуто выше, были включены нѣкія земли находящіяся въ городѣ Ситкѣ и въ окрестностяхъ онаго, въ упомянутой Аляскинской Территоріи, на которыя предъявляетъ права Святая Православная Соборная Апостольская Восточная Церковь, обыкновенно именуемая Гречко-Россійскою, и упомянутая въ трактатѣ подъ названіемъ Греческой Восточной Церкви, —

Я, Гроверъ Кливлендъ, Президентъ Соединенныхъ Штатовъ, нынѣ, въ силу дарованной мнѣ власти, симъ объявляю, заявляю и извѣщаю, что Исполнительный Приказъ отъ 21-го іюня 1890-го года, удерживающій извѣстныя земли въ Аляскинской Территоріи, какъ выше уномя-

О Т Д Ъ Л Ъ .

BY THE PRESIDENT OF THE UNITED STATES.

A Proclamation.

WHEREAS on June 21, 1890, the President of the United States by proclamation reserved certain lands in Juneau and Douglas City, Fort Wrangel and Sitka, in the Territory of Alaska for public buildings, barracks, parade grounds, parks, wharves, coaling stations, etc., which are fully set forth and particularly described in said proclamation.

And Whereas, a treaty of cession was exchanged and proclaimed on June 20, 1867, whereby the Russian Empire ceded to the United States the Territory of Alaska.

And Whereas said treaty, by Article II, provided *inter alia* that:

“It is, however, understood and agreed that the churches, which have been built in the ceded territory by the Russian Government, shall remain the property of such members of the Greek Oriental Church resident in the territory, as may choose to worship therein.”

And Whereas there were included among the lands, hereiubefore referred to as reserved on June 21, 1890, certain lands in and about the town of Sitka, in said territory of Alaska, which are claimed by the Holy Orthodox Catholic Apostolic Oriental Church, commonly styled the Greco-Russian Church, and described in the said treaty as the Greek Oriental Church.

Now, Therefore, I, *Grover Cleveland*, President of the United States, by virtue of the authority in me vested, do hereby declare, proclaim, and make known that the Executive Order of June 21, 1890, making said reservations of lands in the Territory of Alaska, therein particularly described, is hereby modified, and said reserv-

нуто, симъ измѣняется, такъ чтобы изъ числа удержанныхъ земель исключить нижеслѣдующія, описанныя въ инвентарѣ В, приложенномъ при протоколѣ передачи подписанномъ представителями Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, 26-го октября 1867-го года, и въ ономъ упоминаемыя, находящіяся въ городѣ Ситкѣ и въ окрестностяхъ онаго, а именно:

Соборная церковь Св. Михаила, деревянное строеніе, находящееся въ центрѣ города;

Церковь Воскресенія, обыкновенно называемая Калошскою церковью, деревянное строеніе, находящіяся близъ баттареи у палисадника отдѣляющаго городъ отъ Индійскаго селенія;

102. Двухъ-этажное деревянное строеніе, служащее домомъ Епископу, со службами, пристройками и угодіями;

35. Деревянный домъ для церковнаго старосты;

98. Деревянный домъ для діакона;

104 } Три деревянныхъ дома съ пристройками
105 } и угодіями, для помѣщенія священниковъ;
114 }

F } Четыре участка земли принадлежащія
G } приходскимъ домамъ;
H }

J }
а) Памятное мѣсто старой церкви;

в) Могила;

Три кладбища, ихъ коихъ два находятся внѣ палисадника, а одно возлѣ Воскресенской Церкви.

Въ удостовѣреніе чего, я къ сему приложилъ свою руку и далъ закрѣпить печатью Соединенныхъ Штатовъ.

Дано въ городѣ Вашингтонѣ, сего четырнадцатаго дня ноября, въ лѣто тысяча восемьсотъ девяностошестое, а независимости Соединенныхъ Штатовъ въ лѣто сто двадцать первое.

(Подписано) Гроверъ Кливлендъ.

Закрѣпилъ подпись Президента:

(Подписано) Ричардъ Олней,

Статсъ - Секретарь.

ations are diminished, so that the following property, described in inventory B, attached to and referred to in the protocol of transfer, signed by the representative of Russia and the United States on October 26, 1867, and being in and about the town of Sitka aforesaid, be excluded therefrom, to wit:

The Cathedral Church of St. Michael, built of timber, situated in the centre of the city.

The Church of Resurrection, of timber, commonly called the Kalochian Church, situated near the battery number at the palisade separating the city from the Indian village.

102. A double-storied timber building for Bishop house, with outbuildings, appurtenances, and grounds:

35. A timber house for church warden.

98. A timber house for the deacon.

104 } Three timber houses with their ap-
105 } purtenances and outbuildings for lodg-
114 } ing of priests.

F }

G } Four lots of ground belonging to
H } the parsonages.

I }

a The place commemorative of the old church.

b A tomb.

Three cemeteries, two outside palisades, and one by the Church of the Resurrection.

In Witness Whereof I have hereunto set my hand, and caused the seal of the United States to be affixed.

Done at the City of Washington, this fourteenth day of November, in the year one thousand eight hundred and ninety six, and of the Independence of the United States the one hundred and twenty first.

Grover Cleveland

By the President.

RICHARD OLNEY

Secretary of State.

Этотъ документъ печатается по распоряженію Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Николая, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго. Онъ полученъ Преосвященнымъ 16-28 Ноября сего года чрезъ нашего Посланника въ Вашингтонѣ Э. К.-Котсебу, и является результатомъ ходатайства Преосвященнаго Николая о закрѣпленіи за православными приходами на Аляскѣ церковныхъ земель, перешедшихъ по передачѣ Русскимъ Правительствомъ Аляски Сѣверо-Американскимъ Соед. Штатамъ, — въ вѣдѣніе Федеральнаго Правительства.

Примѣч. Редакціи.

This document is published by order of His Eminence, the Right Reverend Nicholas, Bishop of Alaska and the Aleutian Islands. The Right Reverend Bishop received the same on the 16-28 of last November through our Minister at Washington, His Excellency E. K. Kotseba. This decision is the result of Bishop Nicholas eudeavor to perpetuate the right ownership in the name of the Orthodox parishes in Alaska in regard to their lands, which where transfered, after the Russian Government had ceded Alaska to the United States of America under the control of the Federal Government.

Editorial note.

2) О приходскихъ помянникахъ.

Аляскинское Духовное Правленіе, согласно резолюціи Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Николая, Епископа Алеутскаго и Аляскинскаго, симъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ причтамъ Алеутской Епархіи — имѣть свои приходскіе помянники, въ которыхъ должны быть, послѣ именъ благотворителей на пользу св. храма, еще быть записаны имена и особенно потрудившихся личнымъ трудомъ на пользу св. храма или братства, или попечительства, — церковныхъ старость, попечителей и др. лицъ прихода. Кроме этого — имена учителей и учительницъ въ церковно-приходскихъ школахъ также должны быть обязательно вносимы въ помянники. Если всѣ эти лица еще живы, то возносить молитвы о ихъ здравіи; если же уже отошли въ вѣчность, то объ ихъ упокоеніи. Въ рубрику о почившихъ должны быть внесены имена всѣхъ Архипастырей Алеутскихъ, начиная съ Юсафа Болотова, а затѣмъ имена первой дружины просвѣтителей алеутскихъ. Послѣ этого — имена всѣхъ приходскихъ священниковъ, діаконовъ и причетниковъ. — О всякомъ вновь почившемъ Архипастырѣ, или пастырѣ алеутской Епархіи — должны быть совершаемы, — кромѣ обычныхъ молитвословій, — еще и нарочитыя, положенныя св. Церковью на сей

случай, т. е. втеченіи 40 дней послѣ кончины, въ полгода и въ годъ. Въ каждомъ приходѣ — священникъ долженъ, не ожидая припошений и приглашеній отъ родственниковъ почившаго, возносить имена усопшихъ рабовъ Божіихъ, — своего духовнаго сына или своей духовной дочери на проскомидіяхъ — въ теченіи года — обязательно. Оо. Благодѣльцамъ, при обзорѣніи своихъ округовъ, вмѣняется въ обязанность слѣдить за точнымъ исполненіемъ сего распоряженія. —

3) Принятіе на службу.

Иеромонахъ Севастіанъ (сербъ — американскій), уволенный изъ Алеутской Епархіи для продолженія образованія въ Бѣлградской Богословской школѣ въ Сербіи, — согласно его прошенію, снова принять на службу въ Алеутскую Епархію — съ причисленіемъ къ соборному клиру въ качествѣ сверхштатнаго іеромонаха и съ жалованіемъ по 50 долларовъ въ мѣсяць, — съ тѣмъ, чтобы учительствовалъ въ школѣ, несъ чреду священнослуженія при Каѳедральной церкви и переводилъ бы по требованію членовъ Правленія необходимыя бумаги съ англійскаго на русскій и съ русскаго на англійскій языкъ; также ѣздилъ время отъ времени въ Джаксоновскую миссію для совершенія богослуженій и требъ.

4) Увольненіе въ отпускъ.

Настоятель Джексоновской миссіи— священникъ Амвросій *Вретта* уволенъ, согласно его прошенію, въ четырехмѣсячный отпускъ на родину— въ Турцію, а затѣмъ— въ Россію— съ 15-го Ноября по 15-го Марта 97 г.

5) Экзамены въ церковно-приходскихъ школахъ и устройство елки.

Во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ Епархіи, согласно распоряженію Его Преосвященства, должны быть произведены испытанія дѣтямъ предъ праздникомъ Рождества Христова въ присутствіи ихъ родителей и родственниковъ, а на второй день праздника вечеромъ разрѣшается на мѣстныхъ средства устроить и елку въ школьномъ зданіи или другомъ помѣщеніи, съ приглашеніемъ на этотъ праздникъ кромѣ родственниковъ почетныхъ прихожанъ. По обычаю, принятому въ американскихъ публичныхъ школахъ, разрѣшается и въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ, во время елки устроить дѣтскія игры съ пѣніемъ, декламацией стиховъ, съ произношеніемъ диалоговъ и т. под.,— но все это въ предѣлахъ, конечно, скромности и приличія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ редакціи имѣются для продажи слѣдующія изданія:

ТРИДЦАТЬ РЪЧЕЙ И ТРИ ПОСЛАНІЯ

Преосвященнаго НИКОЛАЯ,

Епископа Алеутскаго и Алякинскаго.

1896 г. Г. Нью-Йоркъ.

Цѣна съ пересылкой 75 центовъ. 1 руб. 50 к.

На лучшей бумагѣ — 1 долл. 2 рубля.

CORRESPONDENCE

- on -

INFALLIBILITY

between a Father JESUIT
and General ALEXANDER
KIREEFF - an Eastern Orthodox.
N. Y. 1896. pp. 20 c. 40 копѣекъ.

Открыта подписка на

„Православный
Американскій Вѣстникъ.“

„Russian Orthodox American Messenger“.

Журналь выходитъ два раза въ мѣсяць. Болѣе важныя статьи печатаются въ два текста: русскій и англійскій. Цѣна съ пересылкой: на годъ — \$3.00 (6 руб.); на шесть мѣс. — \$1.50 (3 руб.); на четыре мѣс. — \$1.00 (2 руб.).

Адресъ: „Russian Orthodox A. Messenger“

323-2-d Ave. New York, N. Y.

— СОДЕРЖАНІЕ: *Поученіе на день Рождества Христова, Преосвященнаго Николая, Епископа Алеутскаго и Алякинскаго. Христосъ Раждается. Коляда братьямъ русскимъ въ Америцѣ. Изъ книги К. П. Побѣдоносцева «Московскій Сборникъ». Съ нами Богъ. Прошеніе Скраптонцевъ, поданное Его Преосвященству. Разныя Извѣстія. Оффиціальныи отдѣлъ. Рисунки: Святое Семейство. Прот. І. Наумовичъ.*

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Печатается съ благословенія Преосвященнаго Николая, Епископа Алеутскаго и Алякинскаго.